

УДК 81'42:623.4(470.51)(045)

Д.А. Халиуллина

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ОРУЖЕЙНОГО ДИСКУРСА УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В настоящей статье рассматриваются коммуникативные стратегии и тактики дискурса оружейников Удмуртской Республики. Материалом исследования послужили тексты, опубликованные в печатных и электронных периодических изданиях, посвященных ижевским конструкторам оружия, а также интервью М.Т. Калашникова в документальном фильме «Калашников: Траектория судьбы». Речевые стратегии и тактики оружейного дискурса рассматриваются нами в рамках когнитивно-дискурсивного подхода с учетом экстралингвистического аспекта. Для достижения цели исследования применяются следующие методы: метод сплошной выборки, описательный метод, а также герменевтический подход. Для достоверности интерпретации речи оружейников были проанализированы биографии конструкторов оружия, изучен историко-культурный фон региона. В результате исследования определены стратегии и тактики, отражающие как коллективные, так и индивидуальные черты языковой личности оружейника.

Ключевые слова: коммуникативная цель, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, оружейный дискурс, языковая личность.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-819-825

«Речевая коммуникация – это стратегический процесс» [5, с. 10], в связи с чем рассмотрение речевых стратегий и тактик является неотъемлемым аспектом дискурсивных исследований. Цель настоящей статьи – изучение стратегического репертуара оружейного дискурса Удмуртской Республики.

М.Л. Макаров отмечает существование множества подходов к пониманию речевой стратегии, позволяющих рассматривать данную категорию в различных ипостасях:

- 1) как «цепь решений говорящего, коммуникативных выборов тех или иных речевых действий и языковых средств» [14, с. 123];
- 2) как процесс реализации определенных коммуникативных целей;
- 3) как когнитивный процесс, обеспечивающий выбор языковых средств для решения цели коммуниканта;
- 4) как тип поведения участника диалогического общения, связанный с поставленными глобальными (стратегическими) и локальными (тактическими) целями речевого взаимодействия.

Типологическое разнообразие коммуникативных стратегий обусловлено вариативностью подходов к пониманию данного явления. Так, в когнитивной модели дискурса Т.А. ван Дейка и У. Кинча, где стратегия является ключевым понятием, авторы выделяют пропозициональные стратегии, стратегии локальной когерентности, макростратегии, схематические, продукционные, стилистические, риторические, конверсационные, стратегии невербального общения и др. [29].

Конверсационные стратегии, выделенные Т.А. ван Дейком и У. Кинчем, О.С. Иссерс называет речевыми, дефинируя их как «специфические способы речевого поведения, осуществляемые под контролем “глобального намерения”» [5, с. 104]. Предложенная ученым типология включает следующие виды речевых стратегий:

- 1) семантические (когнитивные), связанные с реализацией целей первого порядка (стратегии дискредитации, подчинения и т.д.);
- 2) прагматические (стратегия самопрезентации, статусные стратегии, эмоционально настраивающие стратегии и др.);
- 3) диалоговые стратегии, соотносящиеся с интенцией коммуниканта контролировать ситуацию общения;
- 4) риторические стратегические планы, в ходе реализации которых адресант использует особые приемы риторики с целью воздействия на адресата [5, с. 106–109].

Согласно социолингвистическому подходу В.И. Карасика, таксономия стратегий институционального дискурса должна учитывать такие компоненты, как мотивы и цели, типичные для данного социального института [8, с. 59].

Изучение речевых стратегий в функциональном аспекте невозможно без обращения к такому явлению, как языковая личность. В настоящее время применяется интегративный подход к рассмотрению языковой личности как динамической системы, многокомпонентного явления, включающего множество составляющих, таких как родовой компонент, культурологическая составляющая, личностный компонент и др. [19, с. 171–173]. Функциональная модель языковой личности, разработанная Ю.Н. Карауловым, подразумевает уровневый анализ явления на вербально-семантическом, лингвокогнитивном и прагматическом уровнях, причем автор подчеркивает необходимость обращения именно к дискурсу личности [9, с. 9–10]. Дискурс, продуцируемый языковой личностью, детерминируется как индивидуальными, так и коллективными особенностями субъекта, включающими национальность, принадлежность к той или иной профессиональной группе и др. [12, с. 40].

В оружейном дискурсе, как и в других видах дискурса, можно выделить основные и вспомогательные коммуникативные стратегии.

Информационно-интерпретационная стратегия связана с интенцией оружейника информировать адресата об истории оружейного производства, тактико-технических характеристиках образцов оружия и т.д.

Оружейное дело как сфера профессиональной деятельности, развивающаяся на территории Удмуртской Республики более двух столетий, связано с использованием специальной терминологии. В связи с тем, что незнание терминов оружейного производства может стать причиной коммуникативной неудачи адресата, конструкторы оружия нередко прибегают к тактике разъяснения. Данная тактика реализуется в дискурсе оружейников для разъяснения наиболее специфичных терминов, связанных с конструкцией оружия (*флажок, замыкатель, подвеска* и др.). В следующем примере конструктор В.А. Ярыгин использует тактику переформулировки и дискурсивное слово *то есть* для разъяснения термина *баланс*: «Кроме того, исключительно важно было учитывать такой параметр, как баланс пистолета – т.е. распределение масс по точкам относительно центра тяжести» [21].

Объясняющая коммуникативная стратегия является дискурсивной особенностью языковой личности оружейника М.Е. Драгунова. В речи конструктора данная стратегия актуализируется при помощи различных языковых средств: «В Туле тоже пытались делать оружие для биатлонистов, но тамешние мастера не справились с подвеской. Это специальное приспособление, благодаря которому винтовка располагается за спиной лыжника вертикально и не создает ему неудобств при беге – проще говоря, не колотит по голове при каждом толчке» [28, с. 12–13]. В данном отрывке, целью которого является разъяснение термина *подвеска*, автор конструирует определение, являющееся коммуникативной единицей, которая включает три однородных предиката, дискурсивное клише *проще говоря*, разговорную лексику *колотить*.

Индивидуальная особенность языковой личности оружейника М.Е. Драгунова эксплицируется фактами из биографии конструктора. Так, с 1983 г. М.Е. Драгунов работал преподавателем на кафедре «Проектирование автоматических машин» Ижевского механического института, вел научное руководство аспирантами кафедры «Дизайн промышленных изделий» Удмуртского государственного университета [6, с. 14–16]. Таким образом, для данной языковой личности характерно продуцирование различных видов дискурса, включая педагогический. Отметим, что именно объясняющая коммуникативная стратегия является ведущей в педагогическом дискурсе [8, с. 213].

Несмотря на то, что не каждый вид дискурса является аргументативным, аргументация проявляется в различных типах дискурса [2, с. 88]. В дискурсе оружейников для актуализации аргументативной речевой стратегии применяются такие приемы, как тактика апелляции к авторитету, повторы и другие языковые средства.

В статье «Философия оружия» М.Т. Калашников обращается к авторитетному источнику для формулирования оценки АК-47. В качестве аргумента конструктор приводит цитату историка-оружейника Э.К. Изелла, автора монографии «The AK47 Story: Evolution of the Kalashnikov Weapons»: «По моей оценке – и об этом я говорю и в книге “История АК47” – появление автоматов Калашникова на мировой арене стало одним из признаков того, что в Советском Союзе настала новая техническая эра...» [25, с. 3].

В следующем отрывке из статьи «Калашников, сын Калашникова» конструктор реализует аргументативную стратегию, отвечая на вопрос журналиста о будущем системы стрелкового оружия Калашникова: «Несомненно. Постоянно появляются какие-то новые технологии, какие-то новые материалы с новыми свойствами и качественными характеристиками» [24, с. 8]. В данном случае речь идет о

доказательной аргументации. Конструктор дает утвердительный ответ на вопрос журналиста, используя дискурсивное слово *несомненно*, выражающее высокую степень уверенности автора. В предложении, содержащем аргументы, воздействие на адресанта с целью убеждения усиливается при помощи таких фигур речи, как инверсия и анафора, т.е. приемов риторической аргументации.

Коммуникативная цель, связанная со сравнением образцов оружия по тактико-техническим характеристикам, достигается при актуализации оценивающей коммуникативной стратегии. В дискурсе конструкторов оружия используются различные языковые средства для реализации данной стратегии.

В статье М.Е. Драгунова «В честной борьбе», посвященной конкурсным испытаниям, победителем которых стал пистолет Макарова, ведущей является оценивающая стратегия. С целью ее реализации используются различные формы степеней сравнения прилагательных и наречий: «Самым легким из конкурирующих образцов был 7,65-мм пистолет Ракова – 540 г с магазином без патронов; самым тяжелым и крупногабаритным – 7,65-мм пистолет Коровина – 740 г и 167x122x32 мм (по этим параметрам он не вписывался в рамки ТТТ)» [7, с. 14–25]. В статье обнаружены различные формы компаратива и суперлатива (всего 29 единиц): аналитические (*более мощный, более легкий, более портативный, более жесткий, более реалистичный, более удобный, более старший, более подробно, наиболее распространенный, наиболее существенный, наиболее удобный, наиболее полно, менее трудный, самый легкий, самый тяжелый, самый крупногабаритный, самый плохой, самый распространенный*) и синтетические (*выше, ближе, хуже, сильнее, больше, лучший, худший, грубейший, меньший, наивыгоднейший, наилучший*). Преобладание аналитических форм (18 единиц из 29) обусловлено стилистически, поскольку сложные формы чаще употребляются в книжной речи [23, с. 206]. Употребление аналитической формы компаратива с *наиболее* характерно для публицистического стиля речи, к которому относится анализируемая статья [22, с. 49].

В следующем отрывке коммуникативная цель конструктора В.А. Ярыгина – сравнение скобы пистолета Макарова со скобой пистолета Ярыгина «Грач», но здесь стратегия оценивания реализуется при помощи конструкции со сравнительным союзом *как*: «Что касается скобы, то она у меня не как у ПМ, а цельная с рамкой, чтобы к пистолету можно было прицепить оптические приборы» [21].

Рассмотрим вспомогательные стратегии оружейного дискурса, в частности стратегию создания имиджа и риторическую стратегию.

Частотным лингвистическим приемом в речи оружейников является вопрос, не являющийся реакцией на реплику журналиста, но функционирующий как выразительное средство. Данный стилистический прием был выявлен в речи М.Т. Калашникова, В.М. Калашникова, В.П. Ионова, М.Е. Драгунова. Так, В.П. Ионов, рассказывая о совершенствовании производства автомата Калашникова, активно включает в повествование вопросы: «Или химики – от них зависит, чтобы автомат в любых условиях, – хоть дождь, хоть грязь, – работал без сбоев. Мы как проверяли их работу? Я брал пружины, клал их между оконных рам на месяц» [28, с. 18]; «И тогда я предложил перенять опыт у австрийцев. Они как придумали делать? Брали короткую болванку, сверлили в ней 12-мм отверстие, зажимали в станок. Там ствол крутился, а четыре молотка его оббивали, пока тот не вытягивался до нужной длины» [28, с.18]. Вопросительные конструкции в обоих примерах используются в качестве тактики для привлечения внимания к теме фрагмента, поскольку автор задает вопрос, заранее зная на него ответ. Таким образом, в данном случае вопросительное предложение формально представляет собой вопрос, однако семантически оно ближе утверждению, что позволяет отнести данную конструкцию к риторическому вопросу [1].

В следующих фрагментах конструкторы М.Е. Драгунов и В.М. Калашников используют вопросительные конструкции в качестве риторического приема: «Каким отец был в жизни? В первую очередь порядочным человеком во всех отношениях – и в своем деле, и с близкими людьми...» [15, с. 4]; «Наследник знаменитой фамилии? Ничего особенного. На «Ижмаше» династий – ползавода. И все по-своему уникальны. Все – первые» [3, с. 2]. В первом примере вопрос служит для перехода к новой теме дискурса, связанной с биографией Е.Ф. Драгунова, отца автора. Второй фрагмент более экспрессивен: В.М. Калашников, сын М.Т. Калашникова, рассуждая о своем звездном статусе наследника знаменитого конструктора, использует вопрос для повышения выразительности фрагмента. Автор сам отвечает на вопрос, из чего адресат узнает, что многие конструкторы являются потомственными оружейниками и при этом талантливыми изобретателями.

Рассмотрим коммуникативную стратегию создания имиджа, реализуемую через оппозицию «наших» и «чужих». Дихотомия «свой/чужой» возможна в любой ситуации, где есть некоторое противо-

стояние [11]. Создание новых образцов оружия проходит в рамках конкурсов, поэтому тема соперничества прослеживается в оружейном дискурсе. В следующих фрагментах дискурса конструктора Е.Ф. Драгунова актуализируется первый компонент оппозиции («наши»), который соотносится с ижевскими образцами оружия: «Наши винтовки оказались лучшими и были рекомендованы для войсковых испытаний» [26, с. 3]; «В 1958 г. наши винтовки на выставке в Брюсселе были удостоены Гран-при» [16, с. 5]. В приведенных выше примерах определяется семантический компонент *победители конкурса*. Субъект предложения, выраженный словосочетанием *наши винтовки*, усиливает разграничение, в то же время отражая аксиологические установки конструктора, гордость за ижевское оружейное производство.

Оппозиция «свой/чужой» в следующем фрагменте речи М.Т. Калашникова соотносится с понятиями *социальная группа, коллектив*: «Наши выдающиеся конструкторы-оружейники высоко ценили мастерство Павла Николаевича, всегда прислушиваясь к советам слесаря, умевшего обработать металл, что любо-дорого было смотреть» [4, с. 4]. Первый член противопоставления «свой/чужой», выраженный местоимением «наши», служит для обозначения принадлежности к особому кругу ижевских оружейников, в то время как оценочное прилагательное *выдающиеся* способствует созданию положительного имиджа профессиональной группы.

Обращение к паремиям, цитатам и другим прецедентным текстам является частотным практическим приемом в речи оружейников. Использование данных полифонических включений связывают с коммуникативной целью, для достижения которой автор обращается к факторам иноречевой среды [10, с. 64–65]. Так, в следующем фрагменте коммуникативной целью является формирование имиджа оружейников: «Я сразу крепко усвоил – над оружием работают не “от звонка до звонка”, а столько, сколько понадобится...» [27, с. 18]. Речевая стратегия создания имиджа реализуется при помощи тактики точного цитирования: паремия «от звонка до звонка» (разг. ‘от начала до конца’ [17, с. 250]), используемая в тексте с отрицательной частицей *не*, подчеркивает долгий и кропотливый процесс создания оружия, проецируя имиджевую составляющую *трудолюбивый человек*. Выбор паремии оправдан экспрессивным потенциалом коллоквиализмов, что позволяет оружейнику В.П. Ионову добиться выразительности подачи.

Конструктор М.Е. Драгунов цитирует отрывок из поэмы В.В. Маяковского «Во весь голос», который характеризует его отца, всемирно известного оружейника Е.Ф. Драгунова, как непритязательного человека: «В полной мере к нему можно было отнести слова Маяковского: “Мне и рубля не накопили строчки, краснодеревщики не слали мебель на дом, и кроме свежевымытой сорочки, скажу по совести, – мне ничего не надо”» [15, с. 4]. Тактика точного цитирования в данном фрагменте не только способствует проекции имиджевой составляющей оружейника *скромный человек*, но и раскрывает индивидуальные особенности автора как языковой личности, продуцирующей различные виды дискурса.

В устной речи конструктора М.Т. Калашникова выявлены разнообразные виды полифонических включений, но характерной особенностью данной языковой личности является обращение к поэтическому творчеству для достижения различных коммуникативных целей, что сам автор эксплицирует в следующем отрывке: // Стихи я начал с детства писать / Я писал пьесы / в школе ставили / Я прославился тогда как поэт / Я отзывался на любые события / Сразу же появлялись мои стихи // [18]. В речи оружейника частотны цитаты из стихотворений С.А. Есенина, Н.А. Некрасова, произведений устного народного и индивидуально-авторского творчества.

С целью реализации стратегии самопрезентации в документальном фильме «Человек и автомат» М.Т. Калашников использует цитату из произведения С.А. Есенина «Послание “евангелисту” Демьяну», намеренно подвергая трансформации часть отрывка, связанную с семантическим компонентом *вера в знание*: // Я верю в знание лишь / в силу человека // [20]. Использование ограничительной частицы *лишь* является приемом эмфатизации: автор таким образом акцентирует внимание на той смысловой части, которая соотносится с образом самого М.Т. Калашникова как человека, с детства стремящегося к знаниям и обладающего тягой к изобретательству.

Частотность использования полифонических включений в речи конструктора М.Т. Калашникова для осуществления различных коммуникативных целей позволяет сделать вывод о полидискурсивности языковой личности оружейника, поскольку речь идет о регулярном и сознательном продуцировании различных дискурсов [13, с. 92].

Таким образом, репертуар речевых стратегий оружейного дискурса весьма разнообразен и включает как основные коммуникативные стратегии (информационно-интерпретационная, оценивающая, аргументативная, объясняющая), так и вспомогательные (стратегия создания имиджа, риторические

стратегии). С целью реализации стратегий в дискурсе оружейника используются различные приемы и языковые средства: тактика апелляции к авторитету, повторы, тактика переформулировки, оппозиция «свой/чужой», риторический вопрос и др. Выбор лингвистических средств детерминируется коллективными и индивидуальными характеристиками языковой личности оружейника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баликоева М.И., Засеева Г.М. К проблеме риторического вопроса // *The scientific heritage*. 2020. № 57. С. 52–56.
2. Гудкова К.В. Лингвистический анализ аргументативных стратегий в персуазивном дискурсе // *Коммуникативные исследования*. 2017. № 4. С. 83–89.
3. Долг. 2002. 26 июня.
4. Известия Удмуртской Республики. 1999. 11 нояб.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛЕНАНД, 2021. 308 с.
6. Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. 2007. № 3.
7. Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. 2008. № 1.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
10. Картины русского мира: образы языка в дискурсах и текстах. Томск: ИД СК–С, 2009. 356 с.
11. Китанина Э.А., Гармаш А.В. Концепты «свое/чужое» в современной культурологической ситуации // URL: <https://moluch.ru/archive/111/28209/>.
12. Копылова Т.Р. Коммуникация в современной научной парадигме. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019. 172 с.
13. Корниенко Е.Р. Полидискурсивность как константа языковой личности // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polidiskursivnost-kak-konstanta-yazykovoy-lichnosti>.
14. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
15. Машиностроитель. 2005. 17 февр.
16. Машиностроитель. 2007. 20 сент.
17. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 784 с.
18. Никишин А., Сычев Д. Калашников: Траектория судьбы [Кинофильм]: док. фильм: в 2 сер. М.: Национальная кинокомпания «Вся Россия», Межрегиональный Общественный Фонд им. М. Т. Калашникова, 2014–2015.
19. Петунина А.Р., Билялова А.А., Вильданова Э.М., Зиганшина Ч. Р. Термин «языковая личность» и его трактовка // *Глобальный научный потенциал*. 2022. № 8. С. 170–174.
20. Полоскин Р. Калашников. Человек и автомат [Кинофильм]: док. фильм. М.: BeMис Продакшн, 2013.
21. Поскребышев А. Пистолет как дело жизни // URL: https://izvestiaur.ru/rubrics/intervyu/366150-pistolet_kak_delo_zhizni/.
22. Родионова И.Г. Вопрос о статусе превосходной степени имён прилагательных в современном русском языке // *Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского*. 2009. № 11 (15). С. 48–50.
23. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М.: Книга, 1989. 320 с.
24. Совершенно конкретно. 2001. 13–20 дек.
25. Удмуртская правда. 1994. 3 нояб.
26. Удмуртская правда. 1995. 17 февр.
27. Центр. 2013. 19 сент.
28. Центр. 2014. 17 сент.
29. Dijk T. A. van, Kintsch W. *Strategies of Discourse Comprehension*. New York: Academic Press, 1983. 418 p.

Поступила в редакцию 16.03.2023

Халиуллина Диля Альфредовна, аспирант
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: madeleine777@mail.ru

*D.A. Khaliullina***COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS OF GUNSMITHS' DISCOURSE OF THE UDMURT REPUBLIC**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-819-825

The present article deals with communicative strategies and tactics of the discourse of a gunsmith of the Udmurt Republic. The research is based upon the texts, published in printed and electronic periodic editions, devoted to Izhevsk weapons designers, as well as the interview of M. T. Kalashnikov in the documentary “Kalashnikov: the Trajectory of Fate”. The communicative strategies and tactics of gunsmiths' discourse are considered within the framework of a cognitive-discursive approach with due regard for extralinguistic factors. To achieve the goal the following methods have been used: the method of continuous sampling, the descriptive method, as well as the hermeneutic approach. Biographies of weapons designers and historical and cultural background of the region have been studied to improve the results of interpretation of gunsmiths' speech. The research revealed strategies and tactics reflecting both collective and individual features of the linguistic personality of a gunsmith.

Keywords: communicative aim, communicative strategy, communicative tactic, gunsmiths' discourse, linguistic personality.

REFERENCES

1. Balikoeva M.I., Zaseeva G.M. K probleme ritoricheskogo voprosa [On the problem of the rhetorical question]. The scientific heritage, 2020, no. 57, pp. 52–56. (In Russian).
2. Gudkova K.V. Lingvisticheskij analiz argumentativnyh strategij v persuazivnom diskurse [Linguistic analysis of argumentation strategies in persuasive discourse]. Kommunikativnye issledovaniya [Communication studies], 2017, no. 4, pp. 83–89. (In English).
3. Dolg. 2002. 26th Jun. (In Russian).
4. Izvestiya Udmurtskoj Respubliki. 1999. 11th Nov. (In Russian).
5. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, LENAND Publ., 2021, 308 p. (In Russian).
6. Kalashnikov. Oruzhie, boepripasy, snaryazhenie [Kalashnikov. Weapons, ammunition, equipment]. 2007. no. 3. (In Russian).
7. Kalashnikov. Oruzhie, boepripasy, snaryazhenie [Kalashnikov. Weapons, ammunition, equipment]. 2008. no. 1. (In Russian).
8. Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [The language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2022, 477 p. (In Russian).
9. Karaulov Yu.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' [The Russian language and linguistic personality]. Moscow, LKI Publ., 2010, 264 p. (In Russian).
10. Kartiny russkogo mira: obrazy yazyka v diskursah i tekstah [The Russian worldviews: the language images in discourses and texts]. Tomsk, SK–S Publ., 2009, 356 p. (In Russian).
11. Kitanina E.A., Garmash A.V. Koncepty “svoyo/chuzhoe” v sovremennoj kul'turologicheskoy situacii [Concepts “one's own/someone else's” in modern cultural situation]. URL: <https://moluch.ru/archive/111/28209/>. (In Russian).
12. Kopylova T.R. Kommunikaciya v sovremennoj nauchnoj paradigme [Communication in the current scientific paradigm]. Izhevsk, Udmurt State University Press, 2019, 172 p. (In Russian).
13. Kornienko E.R. Polidiskursivnost' kak konstanta yazykovoj lichnosti [Polydiscursivity as a constant of the linguistic personality]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polidiskursivnost-kak-konstanta-yazykovoy-lichnosti>. (In Russian).
14. Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa [The bases of the theory of discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2003, 280 p. (In Russian).
15. Mashinostroitel'. 2005. 17th Feb. (In Russian).
16. Mashinostroitel'. 2007. 20th Sep. (In Russian).
17. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoj slovar' russkih pogovorok [The great dictionary of Russian proverbs]. Moscow, OLMA Media Group Publ., 2007, 784 p. (In Russian).
18. Nikishin A., Sychyov D. Kalashnikov: Traektoriya sud'by [Kalashnikov: the trajectory of fate]. Moscow, Vsyta Rossiya National Cinema Company, Interregional Public Fund named after M. T. Kalashnikov, 2014–2015.
19. Petunina A.R., Bilyalova A.A., Vil'danova E.M., Ziganshina Ch.R. Termin “yazykovaya lichnost'” i ego traktovka [The term “linguistic personality” and its interpretation]. Global'nyj nauchnyj potencial [Global scientific potencial], 2022, no. 8, pp. 170–174. (In Russian).
20. Poloskin R. Chelovek i avtomat [The man and the assault rifle]. Moscow, BeMiS Production Cinema Company, 2013. (In Russian).
21. Poskryobyshev A. Pistolet kak delo zhizni [Pistol as lifetime work]. URL: https://izvestiaur.ru/rubrics/intervyu/366150-pistolet_kak_delo_zhizni/. (In Russian).

22. Rodionova I. G. Vopros o statuse prevoskhodnoj stepeni imyon prilagatel'nyh v sovremennom russkom yazyke [On the status of superlative of adjective in the modern Russian language]. *Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo* [The Bulletin of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky], 2011, no. 11 (15), pp. 48–50. (In Russian).
23. Rozental' D. E. *Spravochnik po pravopisaniiyu i literaturnoj pravke* [Handbook of spelling and literary editing]. Moscow, Kniga Publ., 1989, 320 p. (In Russian).
24. Sovershenno konkretno [Absolutely concretely]. 2001. 13–20 Dec. (In Russian).
25. *Udmurtskaya pravda*. 1994. 3 Nov. (In Russian).
26. *Udmurtskaya pravda*. 1995. 17 Feb. (In Russian).
27. *Centr*. 2013. 19 Sep. (In Russian).
28. *Centr*. 2014. 17 Sep. (In Russian).
29. Dijk T.A. van, Kintsch W. *Strategies of Discourse Comprehension*. New York: Academic Press, 1983. 418 p. (In English).

Received 16.03.2023

Khaliullina D.A., postgraduate student
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: madeleine777@mail.ru